

НОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В БЫВШЕМ СССР, ИЛИ НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ?

Демографические «голодоморы»

Валерий Тишков

На динамику этнического состава населения влияют факторы смены идентичности, которые обычно игнорируются историками и демографами как малозначительные и приоритет отдается «естественным» факторам (рождаемость, смертность, миграции), а также чрезвычайным обстоятельствам (войны, эпидемии, голод, геноцид). На мой взгляд, анализ этнических параметров отечественных переписей заслуживает большего внимания историков и этнологов. Интерпретации в рамках реалистской демографии, которая, например, с легкостью прослеживает «русских» и их численность от 10 до 20 веков без анализа изменчивого содержания самого понятия «русскости», в данном случае явно недостаточны. А некоторые историко-демографические штудии вообще ведут к грандиозным фальсификациям с масштабными политико-идеологическими последствиями. К таковым можно отнести исследования о массовом голоде 1932–33 гг. на Украине, которые ныне вылились в президентские указы, международные резолюции и межгосударственные репарационные требования.

История «репрессированной переписи» 1937 г. и последующей переписи 1939 г. получила основательное освещение в современной историко-демографической литературе, и работы под руководством академика Ю.А. Полякова по этой тематике были отмечены премией имени В.О. Ключевского – одной из высших академических наград в области исторической науки. Особую ценность представляет анализ достоверности переписных данных и их значение для

оценки социально-демографического состояния советского общества в период между 1926 г., когда прошла первая советская перепись населения, и предвоенными годами, когда уже сказались результаты индустриализации, коллективизации и сталинских репрессий. Казалось бы, этот период отечественной истории уже не таит особых тайн, и только некоторые его моменты продолжают вызывать ожесточенные споры. Среди них, безусловно, вопрос о голоде, поразившем некоторые регионы страны, особенно Украину и Поволжье, в начале 1930-х гг.

В украинской и западной историографии проблема «голодомора» приобрела в последние годы почти центральный характер как самая страшная трагедия украинского народа в 20 веке. Организация голода интерпретируется как намеренная акция «русского государства» против украинского народа, т.е. своего рода этноцид, масштабы которого исчисляются почти в 4–5 миллионов человек. Националистическое крыло украинских политиков с опорой на данные историков, включая материалы переписей населения, ныне ставит вопрос об ответственности России за геноцид украинцев и о необходимости выплаты репараций. Происходящие между российскими и украинскими историками дебаты по данной проблеме носят хотя и полезный, но в целом ограниченный характер, ибо это спор среди историков, выученных одной методологической школой и взращенных одной общественно-политической практикой, а именно практикой трактовки общественных явлений, когда сами по себе такие категории анализа, как «народ» или «национальность», воспринимались как фундаментальные архетипы, регистрируемые переписной процедурой и отражаемые в научных текстах с той или иной степенью достоверности. Вслед за украинскими историками конструированием голодомора (как целенаправленной акции геноцида против народа) занялись казахстанские авторы, назвав 1 млн. 750 тысяч казахов, умерших от голода в 1931–33 годах. Эти цифры также опираются на узкое прочтение данных переписи населения.

Российские историки сделали попытку извлечь из итогов переписи 1937 г. выводы не только о социально-демографических процессах в СССР в предвоенные десятилетия, но и об этнических явлениях, в частности о меняющемся соотношении этнических общностей и о процессах консолидации «социалистических наций». Этот анализ рассматривает данные как по естественному движению населения (смертность–рождаемость), так и по воздействию «внешних» факторов (переселения, репрессии, голод и т.п.). Тем не менее историки и демографы почти не берут в расчет самый важный фактор, определявший изменения в этническом составе, – смену самосознания. По нашему мнению, удельный вес этого фактора почти всегда был выше, чем различия в демографическом поведении представителей разных национальностей, особенно культурно близких групп, как, например, русские и украинцы. Даже основательное исследование В.Б. Жиромской в вопросах интерпретации данных по национальности и языку во многом «идет за переписью», не подвергая сомнению избирательность

категорий этнического учета, формулировку и понимание людьми вопроса о национальности, а также стоящие за полученными данным более сложные явления в сфере самосознания.

Как известно, перепись 1937 г. зафиксировала 109 национальностей и графа «другие» учитывала еще 56 названий, т.е. всего 165 этнических общностей или «народов». Эта цифра широко используется в различных сравнениях, в том числе и для выяснения этнических параметров демографической динамики населения страны, и для анализа так называемых «этнических процессов». Однако фактически никто не обращал внимания на саму процедуру переписи и на ее экспертное обеспечение, компетентность госаппарата и идеологию. Если перепись 1926 г. имела установку показать «племенной и этнографический состав населения страны», то перепись 1937 г. уже проходила в стране, где «социалистические нации» обрели «свою государственность» в виде этнотерриториальных автономий разного уровня – от союзных республик до автономных округов. Большая дробность уже была излишней, и было важнее показать наличие наций – лингвистически и политически «национализированных» этнических групп, – а заодно – привлекательность СССР как страны, куда стремятся ехать и жить «дети разных народов».

Механистичный анализ списка 1937 г. и все сравнительные конструкции становятся уязвимыми, как только мы сформулируем некоторые исследовательские вопросы. Вопрос первый касается самой формулы переписной категории, которая была призвана выявить этническую идентичность советских граждан. После некоторых сомнений в пользу сохранения категории «народность» (как в переписи 1926 г.) окончательный вариант формуляра переписи содержал под номером 3 вопрос «Национальность», а утвержденная правительством 28 апреля 1936 г. инструкция содержала краткую формулу: «Записывать национальность, к которой причисляет себя сам опрашиваемый». Так впервые в отечественной переписной практике появляется категория «национальность», которая сохранилась в России вплоть до переписи 2002 года. Как и категория «народность», «национальность» подразумевала наличие обязательной и единичной принадлежности индивида к группе, а не просто категорию личностной самоидентификации, которая может носить сложный характер для очень многих людей. Этот принцип утверждался «Словарем национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 г.» (М., 1937), так как он содержал список групп и их возможных самоназваний, в одну из которых необходимо было поместить каждого опрашиваемого. В этом словаре, помимо 165 названий, перечислялись возможные варианты самоназваний общим числом 769.

Восприятие и объяснение переписных данных по «национальному составу» только как групповой демографии в параметрах естественного (рождаемость–смертность) и механического (миграции) движения населения приводит к неточным оценкам и выводам. Само по себе сравнение численности этнических

групп, если оно принимается специалистами как достоверное по итогам каждой из переписей, вполне возможно и даже необходимо. Более того, уже сами статистики, организующие перепись, готовят такие сравнительные данные. Так, например, готовившие перепись 1937 г. к изданию статорганы выполнили сравнительную таблицу по наиболее многочисленным национальностям по переписям 1926 и 1937 гг., указав процентные изменения в численности этих групп. Мы приведем здесь выборочные данные (таблица 1).

Таблица 1**Национальный состав населения СССР в 1926 и 1937 гг.**

Национальности	Численность (тыс.) в 1926 г.	Численность (тыс.) в 1937 г.	Рост или убыль (тыс.)	Рост или убыль (%%)
Русские	77732	93933	+16201	+20,8
Украинцы	31 189	26421	-4768	-15,3
Белорусы	4738	4874	+ 136	+2,9
Узбеки	3904	4551	+647	+16,6
Татары	2917	3793	+876	+30,0
Казахи	3968	2862	-1 106	-27,9
Евреи	2601	2669	+69	+2,7
Турки (азеры)	1707	2134	+427	+25,0
Грузины	1821	2008	+187	+10,3
Мордва	1340	1249	-91	-6,8
Чуваши	1 117	1 168	+51	+4,6
Армяне	1 567	1969	+402	+25,7
Немцы	1 239	1 152	-87	-7,0
Таджики	979	1 138	+159	+16,2
Киргизы	763	846	+83	+10,9
Башкиры	714	758	+44	+6,2
Туркмены	764	748	-16	-2,1
Поляки	782	636	-146	-18,7
Удмурты	504	568	+64	+12,7
Чеченцы и ингуши	392	436	+44	+11,2
Марийцы	428	401	-27	-6,3
Осетины	272	319	+47	+ 17,3
Другие национальн.	2891	7 120	+4229	+146,3
Всего	144328	161 753	+17425	+12,1

Даже если считать, что сам список был составлен корректно, все равно причины объяснения данных изменений не могут быть сведены к факторам естественного движения. Именно такую ошибку совершили авторы современ-

ной публикации переписи 1937 г. и её интерпретаторы. Ими была выделена группа национальностей, которые резко увеличили свою численность (более 20%) и удельный вес. Это – русские, татары, азербайджанцы (тюрки), армяне, каракалпаки и черкесы. Как пишет В.Б. Жиромская, часть этих народов только еще вступила в состояние демографического перехода, и у них все еще держался высокий коэффициент прироста населения, для других был характерен традиционный тип естественного воспроизводства населения с высокой рождаемостью. И в том и в другом случае имеет место высокий естественный прирост населения. К этой же группе с теми же объяснениями были отнесены национальности, увеличившие свой удельный вес на 15–16% (грузины, осетины, дагестанцы, узбеки, таджики).

Данное объяснение не учитывает смену этнической идентичности в пользу другой группы и внешние (трансгосударственные) миграции. Именно эти обстоятельства, а не традиционный тип воспроизводства вывели русских и татар, которые раньше других народов страны (если не считать евреев) перешли на модернизированный тип демографического поведения, в рекордсмены по темпу роста численности. Русскость, перейдя из широкой категории «православного человека» великорусского, малорусского и белорусского происхождения в более узкую категорию этнической общности («нации»), становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима. Именно в эти годы сотни тысяч белорусов и миллионы украинцев, особенно потомки смешанных браков, выбирали однозначно русскую национальность. Отчасти это произошло не только по причине этнической ассимиляции, а по тривиальной причине упразднения самой категории «малоросс», которая предполагала одновременное отношение к русским и превращение категории «великоросс» в «русских». Переписаться из малороссов в великороссы было затруднительно, но – из малороссов в русские было вполне нормальным для того времени. П. Эберхардт при объяснении убыли почти пяти миллионов украинцев и прироста свыше 16 миллионов русских справедливо пишет: «Изменение численности украинцев и русских невозможно объяснить только коллективизацией и голодом. Существенным фактором были ассимиляционные процессы. На украинско-русском пограничье (напр., на Кубани) многие украинцы утрачивали свое национальное самосознание и декларировали себя русскими. 30-е гг. для украинцев обернулись серьезными демографическими потерями. Зато численность русских существенно выросла».

Мы имеем важные этнографические свидетельства о переходе из одной группы в другую, которые в свое время привела Л.Н. Чижикова в исследовании русско-украинского пограничья. Мною же были получены от Ирины Молодиковой интересные данные из истории ее семьи: «Что касается меня, то мои родственные корни на Северном Кавказе (под Ставрополем). Я туда даже в прошлом году ездила, но никого не нашла. Проживали они в украинской станице – рядом с

ногайским селом. Бабушка и дедушка были чистые украинцы, но детям фамилия была изменена с Молодик на Молодилов, и в паспорта было записано как русские, хотя у бабушки и дедушки осталась запись «украинцы» (Молодикова – Тишкову 25 декабря 2006 г.). Данное свидетельство относится именно к периоду 1930-х годов, и аналогичные факты имеются в большом количестве.

Русские также «забрали» в свои ряды изрядную долю представителей таких национальностей, как белорусы, евреи, мордва, чуваша, коми, карелы и других групп из числа близких по фенотипу и христианизированных. В свою очередь, русские почти не переживали ассимиляцию внутри своих рядов в пользу других групп. Тип демографического поведения здесь фактически не имел значения. Например, демографическое поведение среди белорусов было не более модернизированным, чем у русских, но тогда почему разница в приросте столь значительна: 2,8% и 20,7%? Именно по причине смены идентичности части белорусов в пользу русских.

Вопрос этот имеет огромное историческое и политическое значение, ибо отрицательный рост ряда советских национальностей в период 1926 – 1937 гг. (особенно среди украинцев и казахов) объясняется чаще всего такими обстоятельствами, как голод, репрессии и насильственная коллективизация. Уменьшение украинцев на 5 миллионов человек (15%) большинством историков связываются однозначно с голодом, и это объяснение стало своего рода непреложной истиной. Однако почему больше всего численность украинцев и белорусов (в два раза) сократилась не на Украине, где свирепствовал голод, а в пределах РСФСР? Потому что наиболее интенсивная русификация украинцев и белорусов в пользу русских шла на территории РСФСР, в центральных регионах страны. Что касается казахов, то уменьшение их численности на 1,1 млн человек (почти на 28%) больше всего было связано с эмиграцией в Китай и с перезаписью в киргизы (до этого казахов называли киргизами, а киргизов – кара-киргизами). Голод в данном случае, как и среди украинцев, не был определяющим фактором столь значительного снижения численности группы.

Почему увеличили свою численность татары, отличавшиеся в 20 в. сходным с восточнославянскими народами типом демографического поведения, и почему они не «поделились» столь щедро с русскими, как другие вышеназванные группы? Вопрос неоднозначный. Скорее всего потому, что оказали свое действие два фактора. Один из них – это более сильная татарская идентичность, подкреплявшаяся исламской культурно-религиозной традицией, сдерживающей смешанные браки и удерживающей среди татар гораздо большее число потенциальных ассимилянтов в рамках данной общности. Хотя в смешанных русско-татарских браках русская идентичность оставалась более предпочтительной для потомков вплоть до начала 1990-х гг., когда утвердился своего рода приоритет в выборе национальности детей смешанных браков. Второй – это выступление самих татар в качестве ассимиляторов представителей других групп или же перезапись

в татары тех групп, которые в переписи 1926 г. были записаны как кряшены, ногайцы, сибирские татары, крымские татары, тептяри, мишари. В любом случае ни фактор демографического поведения, ни социальные условия объяснить рост татар в 25,2% не могут.

Почему увеличили свою численность в той же степени, что и русские, такие народы, как азербайджанцы, армяне, каракалпаки и черкесы? Имеющиеся пояснения через демографию и внешние социально-политические факторы не дают удовлетворительного ответа. Рост азербайджанцев был вызван, прежде всего, высокой рождаемостью и конструированием этой категории сравнительно молодой «социалистической нации» за счет других групп, а также минимальной ассимиляцией. Религия и фенотип, а также компактность проживания в пределах республики сужали возможности ассимиляции в наиболее престижную русскую среду и культуру. Последняя присутствовала только в Баку, но и здесь она была частью или основой уникального «бакинского этноса» (с еврейским и другими культурными компонентами) с собственным языком пиджин. Зато в азербайджанцев начали интенсивно записывать некоторые меньшинства, которым отказывали в признании (талыши, таты, курды, лезгины и другие).

Почему армяне, у которых был гораздо более модернизированным тип демографического поведения по сравнению с азербайджанцами, также выросли на четверть? Скорее всего в данном случае действовали два фактора: возвращение части зарубежных армян на жительство в СССР и обретение более высокого статуса армянскости после создания «собственной» союзной республики, а также традиционно низких ассимиляционных установок среди представителей этого народа.

Почему каракалпаки попали в одну группу с русскими, татарами и армянами при их крайне традиционной системе демографического поведения (каракалпакам было очень даже далеко до демографического перехода!)? Потому что каракалпаки были новой социалистической конструкцией с созданными государственными, научными и образовательными институтами. Республика создавалась вместе с ее главным и необходимым компонентом: отдельным народом. Здесь усиленно потрудились и советские этнографы, открывшие в республике уникальные историко-археологические памятники и воспитавшие первых каракалпакских ученых.

Это лишь часть необходимых коррективов в интерпретации процедуры и результатов переписи 1937 г. Если говорить о действительно определяющем воздействии жесткой демографии на этническую динамику между двумя переписями, то это касается, пожалуй, только киргизов, узбеков, таджиков, туркменов. Формально их данные роста очень даже скромные или не самые высокие. Но ирония в том, что именно у этих народов и было самое большое превышение высокой рождаемости над высокой смертностью в межпереписной период, т.е. имело место отсталое демографическое поведение. Именно в случае с этими

группами внешние воздействия и факторы смены идентификации сыграли существенную, но не самую главную роль. Тем самым их численность выросла вполне прилично, как и подобает группам такого уровня модернизации: 15–16% за десятилетие. Загадкой остаются данные по туркменам (сокращение общей численности на 2,1%). Ни социальные причины, ни тип демографического поведения здесь не при чем. Скорее всего имела место эмиграция или перезапись в другие группы. Но это предположение требует проверки.

По программе переписи населения 1939 г. вопрос 7 был «национальность» и вопрос 8 «родной язык». Итоговый список национальностей состоял из 57 групп (каждая не менее 20 тыс. чел.). В «прочих» было 207267 чел. Две категории были сборными: «народности Дагестана» (857499 чел.) и «народности Севера» (140747 чел.). За два года численность русских увеличилась на 5 миллионов. Причем на территории УССР численность русских увеличилась почти на один миллион человек! На 300 тыс. возросло число татар и на 100 тыс. число белорусов. Уменьшилось число украинцев.

Анализируя итоги этой переписи, В.Б. Жиromская приходит к следующему заключению: «Итак, для развития народов России этот период от 1926 до 1939 г. был очень сложным. Оставаясь полиэтничной по своему составу, республика в силу политических и социальных причин и катаклизмов претерпела большие изменения в численности и размещении населяющих ее народов. В значительной степени эти изменения были связаны с интенсивными миграционными потоками населения, в том числе насильственными».

Наш анализ показывает, что пространственное размещение представителей различных этнических групп действительно было больше всего связано с миграционными движениями населения, но что касается номенклатуры и численности, то здесь важнейшими факторами были естественное движение (демографическое поведение) и смена идентичностей. Причем последний фактор был по своей значимости более весомым. А это означает, что использование данных переписей населения для обоснования числа жертв голодомора как этнически избирательного геноцида со стороны государства являются несостоятельными.

Подтверждением нашего анализа являются результаты переписей населения 2001 г. в Украине и 2002 г. в России по численности русских и украинцев в сравнении с последней советской переписью 1989 г. (Таблица 2, 3, 4).

О чем нам говорят эти поразительные данные? Если верить традиционным взглядам исторических демографов и авторов мифической демографии голодомора, они свидетельствуют о современном «этническом геноциде» на Украине, где исчезло 3 миллиона человек русской национальности, и аналогичном безобразии в России, где исчезло почти 1,5 миллиона украинцев при примерно одинаковой рождаемости и смертности представителей обеих групп в этот период? Может быть, эти людские массы просто переехали в «свои» государства? Нет, это не так, ибо хорошо известно, что обмен населением между двумя новыми

Табл. 2. Численность русских и украинцев по данным переписей

	Россия		Украина	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2001 г.
все население	147021869	145166731	51452034	48240902
русские	119865946	115889107	11355582	8334141
украинцы	4362872	2942961	37419053	37541693

Табл. 3. Доля русских и украинцев по данным переписей

	Россия		Украина	
	1989 г., %	2002 г., %	1989 г., %	2001 г., %
все население	100,0	100,0	100,0	100,0
русские	81,5	79,8	22,1	17,3
украинцы	3,0	2,0	72,7	77,8

Табл. 4. Рост/снижение численности русских и украинцев, в %

	Россия	Украина
	рост 2002 г. к 1989 г., %	рост 2001 г. к 1989 г., %
все население	98,7	93,8
русские	96,7	73,4
украинцы	67,5	100,3

государствами действительно шел по линии: русские переезжали из Украины в Россию, а украинцы из России в Украину, но общие объемы зарегистрированного обмена за десятилетие составили примерно по полмиллиона человек с каждой стороны. Ответ на эту действительно большую загадку кроется все в том же «этническом переходе» (я не называю это плоским понятием «ассимиляция», ибо это не процесс, а процедура, т.е. акт смены национальности при наличии, как правило, смешанного этнического происхождения), когда примерно 2 миллиона (полмиллиона высчитываем на естественную убыль населения за счет превышения смертности над рождаемостью) бывших русских в Украине решили стать украинцами или записать своих новых отпрысков украинцами, а примерно 1 миллион российских украинцев проделали аналогичную операцию с собственной переписной идентификацией (тем более паспорт для этого не требовался). Уже давно обрусевшие в России Матвиенки и Христенки и им подобные однозначно записались в 2002 г. как русские, хотя в 1989 г. могли быть по семейной и «братской» инерции записаны как украинцы.

Но тогда остается еще один вопрос: а почему этот солидный прибавок к украинцам не добавил им общей численности в Украине, и число украинцев даже уменьшилось на 150 тысяч между двумя переписями, хотя их доля в населении страны увеличилась за счет вышеназванного «русского голодомора»? А потому что весь этот период, включая и год переписи 2001, примерно такое

же число (около 1,5–2 миллионов украинцев) выезжало и находилось в России в статусе временной и нерегистрируемой трудовой миграции. Причина, по которой эти украинцы не поправили статистику представителей своей группы в России, т.е. хотя бы частично не компенсировали число тех, кто совершил переход в русские, достаточно проста: российская перепись в силу ряда причин фактически пропустила мимо учета временную трудовую книжку иммиграции, и главной жертвой этого недоучета стали украинские иммигранты в крупных российских городах.

Но, если такие демографические «голодоморы» оказались возможны в наши дни, тогда почему эти же самые факторы полностью игнорируются при анализе ситуации 1930-х годов? Без ответа на этот вопрос дальнейшие дебаты по вопросу жертв голода на Украине в 1932–33 гг. представляются поверхностными политизациями.

Литература

1. См. публикации материалов: *Социологические исследования*, 1991, № 2; *Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги*, отв. ред. Ю.А. Поляков (М., 1991), а также исследования: Волков А.Г. «Из истории переписи населения 1937 года», *Вестник статистики*, 1990, № 8, с. 46–50; Жиромская В.Б. «Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: история подготовки и проведения», *История СССР*, 1990, № 3, с. 93–98; Лившиц Ф.Д. «Перепись населения 1937 г.», *Демографические процессы в СССР* (М.: Наука, 1990), с. 174–207; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. *Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года* (М.: Наука, 1996); *Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги*, отв. ред. Ю.А. Поляков (М.: Наука, 1992); *Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия*, отв. ред. Ю.А. Поляков (СПб.: Блиц, 1999).
2. См., напр.: *Голод 1932–33 гг. в Украине: причины и последствия*, под ред. В.А. Смолий (Киев, 2003) (на укр. яз.).
3. См.: *История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк*, под ред. М. Козыбаева (Алмааты, 1993). А также: *Zaman-Kazakistan*, 1997, 14 февраля.
4. Жиромская В.Б. *Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное* (М.: РОССПЭН, 2001).
5. См., напр.: *Население России в XX веке. Т. I. 1900–1939 гг.* (М.: РОССПЭН, 2000); Андреев Е.М., Царский Л.Е., Харькова Т.Л. *Демографическая история России. 1927–1959* (М.: Информатика, 1998).

6. Разъяснение для переписчика по вопросу о национальности было следующим: «Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос 4 не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики».
7. Жиромская В.Б., Киселев И.М., Поляков Ю.А. Указ. соч., с. 12–14.
8. Эберхардт П. *География населения России* (СПб., 2003), с. 93.
9. В 1995 г. Н. Назарбаев называл цифру 1,3 млн казахов, безвозвратно откочевавших за пределы СССР в 1930–32 годах (Н. Назарбаев *За мир и согласие в нашем доме. Доклад на первой сессии Ассамблеи народов Казахстана* (Алмааты, 24 марта 1995 года), с. 3).
10. Жиромская В.Б. Указ. соч., с. 88.
11. См.: Тишков В.А., Зайончковская Ж.А., Витковская Г.С. при участии Алимовой С. и Мотрич Н. *Миграции в странах бывшего СССР. Доклад, подготовленный для Глобальной комиссии по международной миграции* (М., 2005).